

Р 30/1871

МИНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 29.

22 Іюля 1871 года.

Подписка пѣна без пересылки и доставки 4 руб.; на пересылку прилагается 1 руб., (въ томъ числѣ почти 60 коп., за бандероль и упаковку 40 к.), итого съ пересылкою и доставкою ПЯТЬ руб.

Выходятъ еженедѣльно. Подписка принимается въ Редакціи Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ Минскѣ, на Раковской улицѣ, въ квартирѣ священника Миткевича.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ: Дѣйств. прав. Указъ о введеніи мировыхъ учреждений въ запад. край.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ: Взглядъ на дѣло распространенія и утвержденія православія въ западномъ краѣ Россіи.—Лекція, читанная въ минской семинаріи читателямъ въ числѣ оной, докторомъ Архангельскимъ, (лекція седьмая).—Объявленіе.

Часть официальная.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Указъ Правительствующему Сенату о введеніи мировыхъ учреждений въ запад. край.—Озабочиваясь дальѣйшимъ распространеніемъ дѣйствія судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, въ постепенности и мѣрѣ, сообразныхъ съ обстоятельствами различныхъ мѣстностей Имперіи, къ одобренію составленной въ сихъ видахъ въ министерствѣ юстиціи и рассмотрѣнныя государственнымъ совѣтомъ предположенія, Всемилостивѣйше повелеваемъ: въ теченіе 1871 года, приступити къ введенію мировыхъ судебныхъ установленій, отдѣльно отъ общихъ, въ губерніяхъ: виленьской, ковенской, гродненской, кіевской, волынской, подольской, минской, витебской и могилевской, съ соблюденіемъ притомъ слѣдующихъ правилъ:

1. Мировыя судебныя установленія открываются въ этихъ губерніяхъ, на томъ

номъ основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года и положенія 19-го октября 1865 года о введеніи сихъ уставовъ въ дѣйствиіе, съ примѣненіемъ также, впродѣ до введенія земскихъ учрежденій, утвержденныхъ Нами, вмѣстѣ съ симъ, временныхъ для упомянутыхъ губерній правилъ.

2. Время введенія въ дѣйствиіе мировыхъ судебныхъ установленій, въ каждой губерніи, опредѣляется министромъ юстиціи, по согласенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

3. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніи, производившіяся въ судахъ первой степени дѣла распределяются и оканчиваются на точномъ основаніи утвержденного Нами, 10-го марта 1869 года, мѣсяца государственнаго совѣта о порядкѣ производства дѣлъ прежнихъ судебныхъ установленій. Затѣмъ, суды первой степени подлежатъ совершенному упраздненію въ теченіе трехмѣсячнаго срока, по усмотрѣнію министерства юстиціи.

4. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніи, палаты уголовного и гражданского суда, тамъ, гдѣ оны еще существуютъ отдѣльно, соединяются въ одну палату уголовного и гражданского суда. Съ этого времени все дѣла, изъятія изъ вѣдомства мировыхъ судей, начинаются непосредственно въ палатахъ уголовного и гражданского суда, въ коихъ производится по правиламъ, установленнымъ въ утвержденномъ Нами мѣсяцѣ государственнаго совѣта 11-го октября 1865 года и въ изданныхъ въ дополненіе къ нему законамъ.

5. Для исполненія тѣхъ, въ отношеніи мировыхъ судебныхъ установленій, обязанностей, которыя по судебнымъ уставамъ возложены на товарищей прокурора окружнаго суда, учреждаются временные товарища губернскаго прокурора, въ вѣдѣніи сего послѣдняго. Они исполняютъ, по его распределенію, и все остающіяся въ силѣ обязанности губернскихъ и уѣздныхъ

стрячихъ, должности коихъ упраздняются.

6. Права и обязанности, въ отношеніи мировыхъ судебныхъ установленій, принадлежатъ, по уставамъ 20-го ноября 1864 года, судебнымъ палатамъ, возлагаются на существующія судебныя палаты по особому временному распределенію губерній между палатами, которое министру юстиціи предоставляется составить и измѣнять по мѣрѣ открытія новыхъ Палатъ.

7. Размеры содержанія, число и классы должностей предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ соединенныхъ палатъ уголовного и гражданского суда, а равно губернскихъ прокуроровъ и ихъ товарищей, опредѣляются согласно прилагаемому при семъ росписанію. Въ томъ же росписаніи опредѣлена и общая сумма, ассигнуемая на содержаніе состоящихъ при палатахъ судебныхъ приставовъ.

8. Пререканія о подсудности, между мировыми судьями и судебными слѣдователями, разрѣшаются соединенными палатами въ особомъ присутствіи, состоящемъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя или товарища предсѣдателя соединенной палаты, изъ двухъ членовъ ея присутствія, предсѣдателя мѣстнаго мирового съѣзда и одного изъ мировыхъ судей губернскаго города.

9. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніи, примѣняются нижеслѣдующія статьи Въ соч. а и ш е утвержденныхъ, 16-го января 1868 года, временныхъ правилъ производства межовыхъ дѣлъ въ губерніяхъ, гдѣ введены въ дѣйствиіе судебныя уставы: отъ I ст. 1—6 и 10—12, отъ II ст. 11 и отъ IV ст. 1 п. 4. Губерскія чертежныя образуются на основаніи приложеннаго къ означеннымъ правиламъ временнаго штата.

Правительствующій совѣтъ не оставитъ дѣлать къ исполненію сего надлежащаго распоряженія.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Часть неофициальная.

ВЗГЛЯДЪ

на дѣло распространенія и утвержденія православія въ западномъ краѣ Россіи.

(Въ память воссоединенія униатовъ съ Православною Церковію).

27-го мая, текущаго года, праздновалась тридцать вторая годовщина воссоединенія униатовъ съ православною церковію. Важность этого событія такъ очевидна и понятна, что едва ли нужно разъяснять его значеніе и напоминать православнымъ о долгѣ благодарности къ Богу за то благодѣяніе, какое Онъ явилъ въ воспоминаемомъ событіи. У кого есть хоть малая искра любви къ православной вѣрѣ и отечеству, тотъ съ полнымъ сочувствіемъ будетъ участвовать въ благодарственной молитвѣ, для которой собираетъ насъ церковь, праздноя ежегодно въ память воссоединенія униатовъ съ православною церковію. Но не одинъ долгъ благодарности къ Богу возлагаетъ на насъ это событіе: въ немъ слышится историческое завѣщаніе, возлагающее на русское общество священную обязанность продолжать дѣло утвержденія православія въ здѣшней странѣ, дѣло требующее живаго участія всѣхъ православныхъ, особенно же—мѣстнаго православнаго общества.

Что же оно должно дѣлать для утвержденія здѣсь православія?

Такъ какъ это дѣло въ здѣшней странѣ уже не новое, и общество русское принимало въ немъ живое участіе; то для яснаго сознанія того, что и какъ слѣдуетъ дѣлать для утвержденія здѣсь православія, нужно оглянуться и посмотреть, что дѣлалось для сего со стороны русскаго общества, особенно со времени мятежа. Трезвый, безпристрастный взглядъ на сдѣланное укажетъ и на то—что и какъ слѣдуетъ дѣлать.

Что же здѣсь дѣлалось для православія со стороны русскаго общества?

Прежде всего нужно замѣтить, что въ немъ много было говорено объ утвержденіи здѣсь православія. Но видимо, не слѣдовало бы и упоминать о томъ, что было говорено, когда спрашивается—что было дѣлано? Но слово не пустой звукъ: оно весьма часто даетъ тонъ и направленіе всему дѣлу, особенно—когда имъ интересуется цѣлое общество и говоритъ о немъ съ большимъ участіемъ, а со времени мятежа такъ именно и говорило русское общество о православіи въ здѣшней странѣ. Вновь прибывавшіе сюда русскіе люди, становясь въ ряды общественныхъ дѣателей, въ числѣ первыхъ вопросовъ о здѣшней жизни обыкновенно предлагали вопросъ: «въ какомъ положеніи здѣсь православіе?» Не довольствуясь слышанными отвѣтами, многие весьма зорко подмѣчали признаки, которые могли бы говорить объ успѣхѣ или не успѣхѣ этого дѣла, и проносили свои сужденія. Какимъ бы ни были эти толки и сужденія о православіи, но, среди современной холодности и безучастія къ дѣлу религіи, уже самая оживленность этихъ толковъ можетъ быть названа отряднымъ явленіемъ, которое, говоря вообще, показывало, что для русскаго сердца дорого православіе. Всмотриваясь ближе въ равнообразныя сужденія русскіхъ людей о православіи, нельзя было не замѣтить той особенности, что многие изъ нихъ цѣнили православную вѣру преимуществен-

но со стороны ея политическаго значенія для здѣшней страны. Это отчасти положило свой отпечатокъ и на характеръ дѣятельности многихъ русскіхъ людей, становившихся въ ряды ревнителей православія. Многие, по этому, въ дѣлахъ православія обращали особенное вниманіе на ту сторону его, въ которой отражаются черты русской народности, при чемъ нѣкоторые глубоко возмущались, если въ церковной жизни замѣчали что нибудь непривычное для слуха и глаза русскаго человѣка, и употребляли возможные мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ; иные обращали особенное вниманіе на церковную обрядность и содѣйствовали, по мѣрѣ силъ, благообразному ея устройству, стараясь чтобы все это было—*по русски*; у нѣкоторыхъ же ревность о православіи обращалась почти исключительно въ эту сторону, при чемъ она иногда вдавалась въ мелчайшія обрядовыя подробности, не терпя здѣсь ничеаго непривычнаго для слуха и глаза великорусскаго человѣка: икона, начисанная не въ строго православномъ духѣ, крыша на церкви, напоминающая католическій костель, звонъ на колокольнѣ не по русскому обычаю—все это и тому подобное иногда возбуждало горячіе толки—съ обычнымъ заключеніемъ: «это не по русски, все это нужно переменить, чтобы тутъ и духу не было католицизма и полонизма».

Что сказать объ этой ревности, которая такъ много, почти исключительно заботится о народныхъ элементахъ въ дѣлѣ православія? Хвалить или порицать эту ревность? Самый лучший отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ историческомъ опытѣ, гдѣ встрѣтимъ указанія на тѣ основанія, которыми опредѣляется значеніе національныхъ началъ въ религіозной жизни известнаго народа и въ общей экономіи всемірнаго царства Божія. Объ этомъ можно бы сказать въ немногихъ словахъ, но, опасаясь, что отъ краткости пострадаетъ ясность дѣла, и полагая, что вѣрное и ясное пониманіе того значенія, какое имѣютъ національныя начала въ религіозной жизни, весьма необходимо для русскіхъ дѣателей здѣшняго края,—мы рѣшились сказать объ этомъ обстоятельнѣе, въ полной увѣренности, что этимъ основательно рѣшится и вышепоставленный вопросъ.

Изъ Св. писанія мы видимъ, что Самъ Богъ освящаетъ національное начало въ религіозной жизни народовъ, употребляетъ его какъ средство къ охраненію и возвращенію истинной вѣры въ челоѣчествахъ. Такъ, Онъ избралъ еврейскій народъ и далъ ему законъ, который до малѣйшихъ подробностей опредѣлялъ жизнь еврея, обнималъ его со всѣхъ сторонъ—какъ бы густою сѣтью и сопровождалъ еврея всюду: и въ святилищѣ и въ домашней жизни и въ будничные и праздничные дни; обрядовый законъ указывалъ еврею и одежду, какую онъ долженъ былъ носить, предписывалъ ему что ѣсть и чего не ѣсть, говорилъ даже о томъ—какъ волосы носить. Цѣль такихъ подробностей законодательства была та, чтобы образовать изъ евреевъ народъ, совершенно отличный отъ другихъ языческихъ народовъ. И это законодательство достигло своей цѣли: оно, образуя еврейскую національность, положило на ней ту печать, которая рѣзко отличала еврейскій народъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, и тѣмъ самымъ спасло его отъ слиянія съ язычниками. Такимъ образомъ еврейскія національность была какъ-бы сосудомъ, въ которомъ, до времени сохранилась истинная вѣра для всего челоѣчества, погибавшаго въ язычествѣ. И замѣчательно: когда этотъ сосудъ былъ содержимъ не чисто, т. е., когда евреи измѣняли своимъ національнымъ обычаямъ, хоти бы и въ мелочахъ; тогда потемнялась у нихъ и вѣра; но когда они твердо держались національныхъ обычаевъ и обрядовъ, въ духѣ опредѣлявшаго ихъ закона: тогда и вѣра у евреевъ

была чиста и жива. Да, всемирная религия—съ вѣрою во Христа Искупителя—сохранилась именно подъ формами еврейской национальности. Не сохранилась эта национальность, слейся она въ то время съ другими народами: тогда истинная вѣра потерялась-бы въ морѣ язычества. Съ открытіемъ новаго завѣта, когда настало время сдѣлаться истинной вѣрой достояніемъ всего человѣчества,—Господь еще торжественнѣе освящаетъ национальное начало для дѣла религии и употребляетъ национальность какъ средство, которое не только охраняетъ и возвращаетъ вѣру въ народахъ, но и соединяетъ ихъ въ братскій союзъ, для большаго преуспѣванія всего человѣчества на пути правды и добра. Разумѣемъ здѣсь сошествіе Св. Духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ: научивъ первыхъ проповѣдниковъ евангелія говорить на разныхъ языкахъ, Господь этимъ самымъ освятилъ начало национальности въ дѣлѣ религии. Различіе въ нарѣчійхъ прежде было употреблено Богомъ какъ средство къ раздѣленію человѣчества, (говорившаго когда-то однимъ языкомъ), на народности съ различными нарѣчійми. Такое раздѣленіе и обособленіе народностей было совершенно Богомъ чрезъ смѣшеніе языковъ, во время столпотворенія вавлонскаго: *eida smishedь языки сія*, говорится въ пѣсни церковной, *раздѣлаше языки Вавилній*, для того, чтобы ограничить различіе невѣрія и нечестія, который, при единствѣ языка, быстрое и шире могъ-бы распространиться въ родѣ человеческомъ. Но когда пришла пора распространить въ немъ духъ истины и добра, тогда Господь надѣляетъ проповѣдниковъ евангелія даромъ языковъ, чтобы всѣ народы соединить въ братскій союзъ: *егдаже отнеши языки раздѣлаше*, говорится въ церковной пѣсни, *въ соединеніе вса призва*. Различіе языковъ и национальностей, благословенное Богомъ, на первый взглядъ, какъ будто противорѣчитъ цѣли благословенія—привыканію всѣхъ народовъ въ соединеніе, въ братскій союзъ между собою; но это только такъ кажется, а если приглядимся къ дѣйствительности, къ всемирно-историческому опыту, то увидимъ, что самое различіе языковъ и национальностей, при единствѣ евангельской истины и всеобъемлющемъ духѣ христіанской любви, служитъ средствомъ къ всестороннему и полному развитію христіанскаго духа въ человѣчествѣ. Это и естественно: съ развитіемъ национальныхъ началъ въ религиозной жизни извѣстнаго народа и самыя основныя начала религии находятъ у него болѣе широкое примѣненіе къ жизни, отъ чего она становится полнѣе и обильнѣе такими плодами, которыми этотъ народъ съ пользою можетъ подѣлиться съ другими народами, и такимъ образомъ между-народныя отношенія становятся болѣе благотворительными въ всемъ человѣчествѣ. По этому именно Господь и надѣляетъ всемирныхъ проповѣдниковъ евангелія даромъ языковъ, чтобы евангельская истина, сообщаемая народамъ на ихъ родныхъ языкахъ, и потому вполне понятная для каждаго народа, удобнѣе могла обращаться—такъ сказать—въ плоть и кровь его, и, освѣтивъ въ немъ естественныя дары—общечеловѣческіе и національныя, дала ему большую возможность возрости дарованные ему отъ Бога таланты, братски дѣлиться плодами ихъ съ другими народами, и отъ нихъ, въ свою очередь, получать подобныя же дары любви. Но все это было бы невозможнымъ безъ развитія національнаго элемента въ религиозной жизни народовъ, такъ какъ безъ него самыя основныя начала религии оставались бы не вполне приложимыми къ жизни и она стала бы отзываться безхарактерностию, вялостію и блѣдностію, чѣмъ обыкновенно всегда отличается та или другая сторона жизни народа, если въ ней общечеловѣческія начала не облекаются въ національныя формы, которые собственно и да-

ютъ свои краски и оттѣнки всему общечеловѣческому и тѣмъ усиливаютъ его практическое значеніе въ жизни народовъ. Сводя къ общимъ выраженіямъ все сказанное о значеніи национальныхъ началъ въ религиозной жизни народовъ и въ общей экономіи всемірнаго царства Божія, мы имѣемъ полное право утверждать, какъ непреложную истину, что, во первыхъ, національныя начала въ религиозной жизни извѣстнаго народа служатъ ему болѣшимъ пособіемъ къ охраненію религиозной истины отъ искаженія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тому народу угрожаетъ опасность со стороны иноплемениковъ, зараженныхъ ложными ученіями; а во вторыхъ, національныя начала въ религиозной жизни, содѣйствуя полнотѣ развитію ея въ каждомъ народѣ, въ тоже время, при единствѣ евангельской истины, дѣлаютъ и между-народныя отношенія болѣе благотворными и такимъ образомъ содѣйствуютъ развитію всего человѣчества въ духѣ истины и добра.

Но такое благотворное значеніе национальныхъ началъ въ религиозной жизни возможно только тогда, когда онѣ развиваются совмѣстно и въ полной гармоніи съ вселенскими началами религии, которыя ни на минуту не должны быть опускаемы изъ виду или подчиняемы началамъ национальнымъ. Въ противномъ случаѣ божественная религія обращается въ недостойный ея имени народный культъ, теряетъ свой духовный характеръ, становится орудіемъ для мірскихъ цѣлей и вноситъ въ народную жизнь не освѣщающую, а растлѣвающую начала; а въ между-народныхъ отношеніяхъ поселаетъ духъ нетерпимости и фанатизма, который, какъ извѣстно, даетъ самыя горькія плоды въ церковной и гражданской жизни народовъ. Все это съ особенною рѣзкостью выразилось въ жизни еврейскаго народа. Въ то время, когда лучшая часть его, встрѣтившая съ живою вѣрою Мессію—Искупителя, показала міру всю благотворность въ религиозной жизни национальныхъ началъ, когда онѣ развиваются въ полномъ согласіи съ началами вселенской истины,—въ тоже время худшая часть еврейскаго народа показала міру ужасающую примѣру того—до какой степени можетъ простраться растлѣніе религиозной и гражданской жизни народа, когда въ ней національныя начала выступаютъ на первый планъ, дѣлаются предметомъ исключительной заботливости—до забвенія самой сущности религии, ея вселенскихъ началъ. Съ этой стороны жизнь еврейскаго народа, для ревнителей народныхъ началъ въ дѣлѣ утвержденія православія въ этой странѣ, можетъ дать поучительный урокъ, на который стоить обратить особенное вниманіе.

Преобладаніе національнаго начала надъ вселенскою истиною въ религиозной жизни еврейскаго народа начало усиливаться съ того времени, когда ему стала угрожать опасность заразиться еллинизмомъ, особенно-же въ ту пору, когда евреи находились подъ властью римлянъ. Въ это время изъ массы еврейскаго народа выступила партія горячихъ патриотовъ; она возмущалась до глубины души тѣмъ, что многіе изъ народа стали измѣнять вѣрѣ отцевъ и перенимать обычай иноплемениковъ, особенно-же одобрялась тѣмъ, что этому, нѣкогда избранному Богомъ, народу угрожаетъ опасность быть затертымъ въ своей родной землѣ иноплемениками. И вотъ эти горячіе іудейскіе патриоты употребляютъ всю энергію, чтобы отстоять свою национальность и возстановить во всей чистотѣ ея обликъ, значительно испорченный вліяніемъ иноплемениковъ. Это были фарисеи. Они, по видимому, хорошо звали за это дѣло: стали прелегано изучать законъ, на которомъ и образовалась ихъ национальность; изучивъ его до буквы, они принялись изслѣдовать древности своей земли, возобновлять священныя памятники

старинны—красить гробы пророковъ и раки праведныхъ, собирать преданія старцевъ, возстановлять забытые обряды до мельчайшихъ подробностей, и при всемъ этомъ старались распространить свою вѣру и между иноплеменниками, для чего иудейскіе патриоты какъ говоритъ Спаситель, *переходили море и сушу, чтобы створить хотъ единого приемыща*. Казалось-бы, что можетъ быть лучше такой усердной дѣятельности религіозныхъ патриотовъ въ пользу своей національности? Но увы! они, усердствуя для ней, забыли, или нѣтъ—не забыли, а еще хуже—исказили самую сущность религіи, ради своихъ патриотическихъ мечтаній: подъ ихъ влияніемъ ученіе о Мессіи-Искушительѣ міра въ головахъ горячихъ патриотовъ превратилось въ ученіе о иудейскомъ царѣ—завоевателѣ, который долженъ покорить израилю всѣ народы и дать ему всѣ блага міра сего! Такое искаженіе вселенской истины, лежавшей въ основаніи религіи евреевъ, отразилось ужаснымъ искаженіемъ всей ихъ религіозной и гражданской жизни и ихъ отношеній къ другимъ народамъ. Религіозная жизнь евреевъ, въ самой богослужбной дѣятельности ихъ, обратился въ пустую обрядность, при которой и храмъ іерусалимскій—это единственное святилище во израильт—сталъ, по выраженію Спасителя, *пустымъ домомъ* (Матѣ. 23, 38); гражданская жизнь, преисполнилась беззаконіемъ, которое у престоавителей закона прикрывалось лицемеріемъ; они, вѣчно толкуя о справедливости и законности, въ тоже время хищнымъ образомъ *попадали дома вдовичъ*, и, что еще больше? во имя закона и любви къ отечеству, распяли Мессію!.. Въ отношеніяхъ евреевъ къ другимъ народамъ душою сталъ фанатизмъ, который въ самомъ ужасномъ видѣ выразился въ типѣ зилотовъ—разбойниковъ, рѣзавшихъ безъ всякой пощады своихъ и чужихъ—во имя любви къ отечеству! Но не у зилотовъ только, а у всѣхъ евреевъ духъ нетерпимости и фанатизма и до сихъ поръ обозначается какимъ-то особеннымъ отчужденіемъ ихъ отъ всѣхъ народовъ: вѣдь извѣстно, что евреи, не смотря на то, что живутъ по всему міру, по видимому, какъ свои домашніе люди, однако-же всѣхъ чуждаются, и, въ свою очередь, всѣ считаютъ ихъ чужими. Отвергнувъ Христа—это воплощеніе любви божественной къ людямъ, евреи какъ-бы убили въ себѣ способность искренней и безкорыстной любви къ другимъ народамъ, которыхъ, въ свою очередь, что-то отталкиваетъ отъ евреевъ, не смотря на стараніе новѣйшихъ цивилизаторовъ о сближеніи съ этимъ народомъ. Вотъ до чего можетъ дойти народъ, когда онъ въ религіозной жизни подчиняетъ вселенское начало религіи началамъ народнымъ! Этотъ примѣръ изъ жизни еврейскаго народа, конечно, крайность, единственная въ своемъ родѣ, которая не можетъ повториться въ исторіи во всей своей ужасоющей силѣ; но въ крайностяхъ-то и обнаруживается вся фальшь производящаго ихъ начала, при чемъ становится яснымъ до очевидности и то, что ложное начало и не въ крайнихъ его проявленіяхъ можетъ отзываться въ жизни большимъ вредомъ.

Въ виду такого печальнаго опыта, до котораго, какъ мы замѣтили, довело иудеевъ подчиненіе религіи своимъ національнымъ интересамъ, намъ нужно зорко осмотрѣться: не вкралось ли и къ намъ это недоброе начало?.. Обратимъ на это вниманіе тѣмъ нужнѣе, что и у насъ есть поводы къ возникновенію подобнаго же зла—въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершается здѣсь возстановленіе православія и русской народности. Вызываемое силою обстоятельствъ, зло можетъ вкрадываться въ жизнь незаметно и такъ или иначе дѣйствовать, не смотря даже на строгость осуждающихъ его законовъ, такъ какъ жизнь всегда ниже закона.

Обращая вниманіе съ этой стороны на русскую жизнь въ здѣшнемъ краѣ, для каждаго русскаго было бы весьма откровенно сказать, что у насъ нѣтъ того зла, о которомъ рѣчь идетъ. Но строгая правда не позволяетъ этого сдѣлать, и, во имя православія и блага русской народности, повелѣваетъ указать, не обинуясь, на этотъ недугъ. Да, къ сожалѣнію это зло вкралось и въ нашу жизнь, подъ шумомъ мятежа, который возбудилъ страсти и въ нашей умирившей сторонѣ. И вотъ явленіе, которое прямо говоритъ о существованіи сего недуга: есть люди, которые смотря здѣсь на служеніе православію только какъ на служеніе русской народности, а самое православіе трактуютъ только какъ русскую народную вѣру и какъ главное средство къ обрусѣнію. Безъ этого служенія православію для нѣкоторыхъ, будто-бы и смысла не имѣть. Отсюда становятся понятными многія несообразности въ здѣшней жизни, происхожденіе которыхъ трудно было бы объяснять, не зная того корня, изъ котораго онѣ выросли. Отсюда понятна та суевѣстная ревность о православіи, которая, какъ по всему замѣтно, поздно вспомнила о немъ, да и то—какъ о здѣшней мѣстной и временной нуждѣ, о которой, пожалуй, можно и забыть современемъ. Понятна и та ревность о православіи, которая съ жаромъ хлопочетъ о благолѣпнн церковной обрядности—въ русскомъ вкусѣ, но спокойно оставляетъ *являщая въ законѣ*. Понятно и это хлопотливое радѣніе нѣкоторыхъ патриотовъ о православіи—*для народа, съ полнымъ нерадѣніемъ о немъ для себя*: какое самоотверженіе!.. Понятно и это удивительное, исчезавшее, какъ дымъ, явленіе даже неправославныхъ ревнителей православія, никогда и не думавшихъ принимать его, а хлопотавшихъ о немъ—Богъ вѣсть почему—только для народа, который благогазумно давалъ имъ ставленіе, подобное словамъ св. Писанія: *врачу исцѣлился самъ*!.. Понятно и это блестящее многолюдство въ храмахъ въ праздники гражданскіе и малолюдство—въ праздники церковныя... Можно бы еще указать не мало и другихъ несообразностей, истекающихъ изъ указаннаго источника; но недовольно ли и этихъ примѣровъ, чтобы понять, какое болѣзненное направленіе можетъ получить религіозная жизнь, какою пустоюю отзывается и благодивныя ея проявленія, когда святое дѣло религіи подчиняется мірскому дѣлу, для котораго, нужно замѣтить, отъ этого нѣтъ ни малѣйшей пользы. И это не трудно понять при самыхъ легкихъ соображеніяхъ между прочимъ, такихъ: цѣль русскаго дѣла, которое здѣсь ведется, есть умиротвореніе страны, установленіе правильныхъ, любовныхъ отношеній всѣхъ гражданъ—безъ различія вѣроисповѣданій. Православіе не осталось бы вѣрнымъ своему духу, если-бы оно не содѣйствовало достиженію этой цѣли, а оно не будетъ содѣйствовать сему, если будетъ трактоваться только какъ русская народная вѣра. Наставая на такомъ толкованіи нашей вѣры и часто повторяя его, въ этой странѣ легко можно развить новое зло и усилить зло старое, т. е. къ польскому религіозно-политическому фанатизму прибавить русской такой же фанатизмъ. Что это можетъ случиться, въ этомъ удостовѣряетъ насъ, кромѣ указаннаго примѣра изъ исторіи иудейства, и исторія католичества вообще и въ особенности—исторія польскаго католичества. Католичество, какъ извѣстно, потому и отличается духомъ фанатизма, что оно въ сущности—не католичество, т. е., не вселенское православіе, какъ оно величаетъ себя, называясь этимъ именемъ: католичество въ собственномъ смыслѣ есть *латинство*, которо, сподавляя въ римской церкви начала вселенской истины, все въ церковной жизни, начиная съ вѣроученія и церковнаго управленія до обрядности, все сводитъ къ политическимъ интересамъ папства. Это соб-

...и служить источником фанатизма въ римско-католической церкви. Что же касается польскаго католичества, то въ немъ къ латинскому фанатизму присоединенъ собственно-польскій фанатизмъ, который развился именно потому, что у поляковъ католическая вѣра издавна потлана въ услуженіе политикѣ, и такимъ образомъ изъ католической сдѣлалась по преимуществу польской вѣрой; и она-то именно—польская, а не католическая, вѣра создала чудовищную фантазію, въ которой польскій народъ изображается распятымъ для блага всего міра мученикомъ, имѣющимъ по своему воскресенію, осчастливить все человечество, и, въ духѣ этой дикой фантазіи, сочинила даже патристическую обѣдню! Она же—эта польская, а не католическая, вѣра у адары церковного учила нарушать злѣяву, топить касы и кинжалы и, благословляя на мятежъ и убійство, гнала несчастныхъ фанатиковъ въ дѣла! Вотъ что значить трактовать христіанскую вѣру только какъ народную вѣру! Чтонибудь подобное, хоть и въ другомъ родѣ, можетъ случиться и съ нами, если мы будемъ трактовать православную вѣру — только какъ русскую народную вѣру, и слишкомъ налегать на это, не обращая должнаго вниманія на сущность нашей вѣры, на ея вселенскія начала. И не это ли было причиной неразумной ревности о православіи въ некоторыхъ *незванныхъ благовѣстниковъ* его, которые въ своемъ рвеніи забывали ту весьма важную истину христіанства, что *вера отъ слуга* и убѣжденія, а не отъ чего либо другого?...

Можетъ быть, ктонибудь скажетъ: что-же, развѣ и вовсе нельзя здѣсь говорить о православіи, какъ о русской народной вѣрѣ? Нѣтъ, можно и должно изыскать здѣсь православную вѣру, какъ нашу народную вѣру, но не иначе, какъ въ смыслѣ отличія ея отъ латинства и при этомъ не смѣшивая съ вѣрой ничего неотнуждающаго къ ней. Изысканія православную вѣру съ этой стороны, руководители народа должны точно, ясно и обстоятельно объяснять—чѣмъ отличается и превосходитъ наша вѣра латинскую вѣру, при чемъ не ограничиваться указаніями однихъ наружныхъ отличій, какъ обыкновенно это дѣлается, а доводить до сознанія самой сущности дѣла. Такое объясненіе отличія нашей вѣры отъ латинской можетъ быть самымъ лучшимъ охранительнымъ средствомъ отъ увлеченія къ иновѣрью, при чемъ основательно объясненная православная обрядность, при благолѣпномъ ея устройствѣ—по русскимъ образцамъ, можетъ сильно содѣйствовать живому сознанію отличія нашей вѣры отъ латинской. Это только и можетъ быть названо собственно русскимъ элементомъ въ нашей вѣрѣ, который долженъ быть употребляемъ здѣсь какъ охранительное средство отъ влияния латинства. Но такъ какъ задача русскаго дѣла въ здѣшней странѣ не одно охраненіе русскихъ отъ полонизма и католицизма, а полное умиротвореніе тины, погашеніе неприязни между русскими и тѣми изъ латинцевъ, которые не желаютъ принимать православія: то, попятно, что съ уясненіемъ отличій нашей вѣры отъ латинской, должно идти рядомъ уясненіе сходства между ними до вселенскимъ началамъ христіанства. Это было бы сильнымъ средствомъ къ погашенію неприязни между католиками и православными, если бы и католики и православные, обращали на это должное вниманіе. Но, къ несчастію, руководители католиковъ, по примѣру своихъ предковъ, полагавшихъ здѣсь православную Русь, подъ знаменемъ католической вѣры, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на сходство католичества съ православіемъ: напротивъ, они умилщленно забываютъ это и даже богохульно трактуютъ православіе хуже іудейства—*какъ поганство*. Со времени мате-

...и русскіе, въ негодованіи на польскую вѣбу, (подобрѣ) тую у католическихъ алтарей, какъ будто стали забывать, что, при всемъ различіи между католическимъ и православнымъ есть и сходство между ними; а для противобѣдствія *польской вѣры*, стали съ вакимъ-то особеннымъ удареіемъ трактовать православіе какъ *русскую вѣру*. И что же будетъ здѣсь при польской и русской вѣрахъ, если держащійся той и другой, живя радомъ, будутъ стараться забывать, что они христіане, сходные другъ съ другомъ и по вселенскимъ основаіямъ вѣры и по славянской крови?...

Показавъ такимъ образомъ значеніе національныхъ началъ и законное ихъ употребленіе въ религиозной жизни, обратимся къ вопросу: что и какъ намъ нужно дѣлать для утвержденія и распространенія православія въ здѣшней странѣ?—

Кто хочетъ быть полезнымъ дѣятелемъ для православія, тотъ долженъ трудиться въ этомъ дѣлѣ прежде всего для самого себя: пусть каждый сперва себя самого утвердитъ въ православной вѣрѣ, такъ чтобы глубоко почувствовалъ—какое драгоценное сокровище скрывается въ ней для всякаго человѣка, сколько счастья она даетъ ему. Кто этого не прочувствовалъ глубоко, тотъ можетъ ли имѣть стремленіе утверждать въ вѣрѣ другихъ?... А если-бы онъ имѣлъ расположеніе къ тому, то какъ онъ можетъ давать другимъ то, чего самъ не имѣетъ? А кто богатъ вѣрою и познаніями въ ней и желаетъ другихъ утверждать въ вѣрѣ, тотъ пусть дѣлаетъ это прежде всего для вѣчнаго счастья ближнаго и для исполненія царствія Божія, а не для мірскихъ цѣлей: *ищите*, говоритъ Спаситель, *прежде Царствія Божія и правды Его*, а всѣ прочія блага, какихъ мы ищемъ въ мірѣ—*сія вся приложатся вамъ*,—приложится, придетъ само собою и то, что мы называемъ обрусѣніемъ, если только будемъ искать правды Божіей во всѣхъ путяхъ жизни; потому что *эта правда возвышаетъ народъ*, усвоившій ее, и даетъ ему и право, и силы, и средства передавать другимъ народамъ свой духъ, свои начала жизни, а вмѣстѣ съ ними—и вѣру.

Что касается средствъ, которыми мы должны утверждать здѣсь православную вѣру, и оружія, которыми можемъ бороться противъ враговъ ея, безъ нарушенія правды Божіей, то вотъ средства и оружія, истинными однимъ изъ величайшихъ проповѣдниковъ православія—Апостоломъ Павломъ: *станьте*, говоритъ онъ, *препоясавъ чрема ваши истинною, и облекшись въ броню правды, и обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миру. А на шею всего возьмите шитъ вѣры, который можете уяснить въ раскаленныхъ стрѣлахъ лукаво; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіей*. (Ефес 6, 14—17). Средства и оружія, все духовныя, о другихъ—ни слова нѣтъ, и всѣ онѣ доступны для каждаго желающаго ратовать за православную вѣру, а для служащихъ алтарю Господню и обязанныхъ лаче всѣхъ трудиться для православія, великій Апостолъ далъ особенно внушительное наставленіе: *заклинаю*, говоритъ онъ, *предъ Богомъ и Господомъ нашимъ І. Христомъ, Который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ: проповѣдуй слово, истой во время и не во время, обличай, запрещай, уопыщевай совѣскимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ* (2 Тим. 4, 1—2). *Совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое* (ст. 5). *Во всемъ показывай въ себя образцы добрыхъ дѣлъ, въ учителиствъ чистоту, степенность, неповрежденность, слово здравое, неукоризненное, чтобы противникъ былъ пострашенъ, ни чю не имья сказать о насъ худого* (Тит. 2, 7—8). *Внижай въ себя и въ ученіе: занимайся симъ постоянно:*

ибо такъ поступая, и себя спасешь и слушающихъ тебя (1 Тим. 4, 16). Вотъ средства указываемыя апостоломъ для утверждения православнаго. Но кромѣ ихъ есть еще высшее средство, безъ котораго всѣ вышеуказанныя средства останутся безсильными, какъ дѣло человеческое, хотя бы оно было совершаемо самими апостолами, о чемъ съ особенною выразительностію говоритъ апостолъ языковъ коринѳянамъ, указывая и на себя: *кто Апостолъ? кто апостолъ? они только служители, чрезъ которыхъ мы управовали, и при томъ по-скольку каждому данъ Богъ. Я насадилъ, Аполосъ по-мощно возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и пощающій есть ничто, а все Богъ возращающій.* (1 Кор. 3, 5—7). Въ живомъ сознании сего, самъ великій апостолъ проситъ свою пастуку *всякую молитвою и прошеюмоу молиться, дабы ему дано было слово благовѣстія* (Ефес. 6, 18 и 19). Кто-же изъ сего не увидитъ—какая важна молитва для распространения и утверждения вѣры. Да, молитва и особенно молитва общественная, церковная, когда служители алтара у престола Божія молятся *за миръ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о соединеніи еста,*—эта молитва—самая насущная потребность въ дѣлѣ утверждения православной вѣры. А сколько новыхъ побужденій къ этой молитвѣ представляется для христіанина въ настоящее время, въ виду волненій въ западной церкви, гдѣ духъ лжи съ какою-то возмутительною торжественностію обнаружилъ на соборѣ представителей латинской церкви, объявившемъ непогрѣшимость папы, который осмнадцать слишкомъ вѣковъ былъ обыкновеннымъ человекомъ, а теперь вдругъ вышелъ изъ ряда людей и сталъ непогрѣши-

мымъ.. И такая наглая ложь объявлена въ нашъ вѣкъ, когда евангеліе читается на всѣхъ языкахъ, существующихъ въ мірѣ!.. Боже! уже-ли и теперь отдѣлившіеся отъ вселенской православной церкви латины не поймутъ, что не на западъ, а на востокъ свѣтъ православнаго!.. Уже-ли.. но вотъ уже обнаружилось сознание сего на западѣ, хотя и въ маломъ обществѣ, ищущемъ общенія и союза съ православною церковію; есть и не-вѣдаи отъ насъ люди, которые, возмущившись непогрѣшимостью папы, такъ нагло объявленою, обратились къ православію; въ сожалѣнію, такихъ не много среди сосѣднихъ намъ латинякъ; но не мало такихъ, которые подсмѣиваются надъ непогрѣшимостью папы, а между тѣмъ все таки считаютъ нужнымъ исповѣдывать ее, или—покрайней мѣрѣ—не заводить объ этомъ споровъ, какіе возникли за границей, такъ какъ религиозныя споры, по ихъ мнѣнію, могутъ повредить главному дѣлу, какимъ занаты известные патріоты.. Для нихъ ложь въ дѣлѣ религіи ни чего не значитъ, лишь-бы она была выгодна для ихъ цѣлей!.. Но не всѣ-же между ними такъ относятся къ религіи: для многихъ она дорога, какъ святая истина, какъ путь къ вѣчному спасенію. И вотъ для нихъ-то мы теперь имѣемъ удобный случай раскрывать правду вселенной церкви и ложь латинства—въ самой его головѣ, и намъ православнымъ грѣхъ будетъ, если не будемъ пользоваться такимъ случаемъ, какой представляется въ объявленіи папской непогрѣшимости. *Ихъ упрекъ оублаждаетъ языкъ и привычку чело-*

Архимандритъ Анастасій.

ЛЕКЦІЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ И ДІЕТИКИ, ЧИТАННАЯ ВЪ МИНСКОЙ СЕМИНАРІИ ЦИТАТНЫМЪ ВРАЧЕМЪ О.И. ДОКТОРОМЪ АРХАНГЕЛЬСКИМЪ.

Лекція седьмая.

Напитки. Троакало, роба жаждо, основывающаяся на естественной нуждѣ организма, приотии языка и привычки человеческой. Свойства и химическій составъ спиртныхъ жидкостей: алкоголь, водка и ея подмѣси, вино и ея подмѣси, пиво и ея подмѣси. Физиологическія дѣйствія спиртныхъ жидкостей. Общія и частныя правила къ ихъ употребленію.

Въ прошлой лекціи я сказалъ вамъ, милостивые государи, что вода составляетъ напитокъ, предложенный намъ самою природою, и что чистая, свѣжая, холодная пиваемая вода прохладяетъ и утоляетъ жажду, оживляетъ мышечную систему и освѣжаетъ нервы, а духъ и мысль дѣлаетъ свободнѣе. Но не было тамъ мною показано того, что не всегда всѣ люди имѣютъ одинаковыхъ свойствъ жажду; между тѣмъ какъ на свойствахъ жажды основываются и свойства употребленныхъ напитковъ, ибо, кромѣ естественнаго напитка—воды, въ мірѣ образовалось множество искусственныхъ на-

питковъ, основаніемъ которыхъ служить чистая, свѣжая вода и которыхъ нѣтъ столько въ употребленіи, что даже затрудняются въ выборѣ для себя того или другаго полезнаго напитка, и вслѣдствіе того часто обращаются къ врачу съ вопросомъ: «докторъ, что долженъ я пить: воду, вино, пиво, или воду, чай, кофе, или шоколадъ?» На этотъ вопросъ даже составлена брошюра д-ромъ Кохомъ.

И такъ, какіе-жъ это роды жажды, заставившіе человечество придумать и изобрѣсть для себя такую бездну искусственныхъ напитковъ, что оно не знаетъ даже, какой изъ нихъ вреднѣе и какой полезенъ для него? Да и должно-ли существовать какое-нибудь подраздѣленіе жажды, и—если должно, то на какихъ основаніяхъ?

Казалось-бы, въ существѣ жажды могло лежать только одно основаніе—это ощущение потребности организма замѣнять составныя водянистыя части крови и тканей тѣла, постоянно терпямыя чрезъ легкія, кожу и почки. Ибо люди, употребляющіе для питья одну только воду, крѣпче и здоровѣе прочихъ. Однакоже, на дѣлѣ выходитъ совсѣтъ иначе. Физиологія, разсматривая жажду, допускаетъ различнаго значенія относительныя понятія объ этомъ чувствѣ. Она признаетъ множество видовъ жажды, и *относитъ ихъ преимущественно къ тремъ родамъ, принимая въ основаніе*

естественную нужду организма, привычку языка и привычку человеческую.

Перваго рода жажда, основывающаяся на естественной нуждѣ организма, есть жажда естественная, означающая потребность тѣла, недостатокъ воли въ крови и тканяхъ. Она есть самая общаѣ, потому что ей подверженъ каждый человекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая мучительная, потому что въ удовлетвореніи потребности тѣлу отказать нельзя. Лучшее средство для утоленія этой жажды есть вода, потому что вода скорѣе и удобнѣе всего воспринимается кровью, и потому скорѣе всего удовлетворяетъ потребность тѣла. Нѣтъ ни одного недостатка въ крови, который ощущался бы такъ замѣтно и съ такою силой, какъ недостатокъ воды. Вслѣдствіе чего несравненно труднѣе преодолѣть жажду, нежели голодъ, и—если голодная смерть почитается мучительнѣею, то, по причинѣ отсутствія воды, она бываетъ еще ужаснѣе. Дѣйствія неудовлетворенной жажды на организмъ скоро обнаруживаются сухостію слизистой оболочки рта и глотки; при дальнѣйшемъ неудовлетвореніи жажды, слизистая оболочка рта краснѣетъ, опухаетъ, языкъ вознахлещается и прилипаетъ къ небу; кожа, вслѣдствіе прекращенія ея испаринны, становится сухою и горячею; моча, по содержанію въ себѣ множества солей и малаго количества воды, дѣлается острою; мускулы ослабываютъ

теряют свой тонъ и совершаютъ медленные движенія членовъ; рѣчь и глотаніе затруднены; мозгъ и чувства въ состояніи сильнаго раздраженія; въ безпокойствѣ и отчаяніи страдалецъ съ жадностью пьетъ или старается выпить все, что только попадется ему подъ руку, и, при горячечныхъ явленіяхъ, сильное воспаление рта и неба иногда сопровождается антоново-огненнымъ процессомъ въ нижней челюсти. Наконецъ, тяжкое дыханіе, быстрые сокращенія сердца, дивныя и блуждающіе глаза, бессвязная рѣчь, потеря голоса и бѣшенство заканчиваютъ жестокою и мучительною драму.

Второго рода жажда основывается на прихоти языка.—Это аппетитомъ возбуждаемая жажда, которая имѣетъ индивидуальное значеніе, ибо каждый человѣкъ во всю жизнь свою можетъ ей не подвергаться. Она ощущается не кровью, а языкомъ и горталью, требующими чего-либо другаго, кромѣ воды, напр., стакана пива, рюмки вина или водки, такъ какъ вода не удовлетворяетъ прихоти языка и не утишаетъ аппетита. Собственно говоря, жажда эта сама по себѣ составляетъ невинное удовольствіе; она увлекаетъ насъ раздѣлить вечеромъ время между знакомыми за стаканомъ пива или вина. Эту жажду каждый въ состояніи отклонить или уничтожить, покуда напитокъ остается въ границахъ его умѣреннаго употребленія и доставленія имъ тѣлу и духу благодѣтельнаго отдохновенія и пріятнаго возбужденія, такъ какъ отъ развешающаго напитка незаметно исчезаютъ мрачныя мысли, заботы и печали.

Эта-та жажда, или—лучше сказать—декашая въ основаніи ея единственно прихоть языка, и послужила причиною возникновенія, размноженія и всеобщаго распространенія искусственныхъ напитковъ, которые нынѣ вездѣ какъ домы, которые нынѣ вездѣ и вѣсмъ знакомы. Это-та жажда и побудила древнихъ грековъ, римлянъ и египтянъ—язычниковъ—признать мифологическое божество въ развратномъ сынѣ Юпитера и Семелы Бахусѣ и въ «вакханіадахъ» своихъ воздавать ему божескія почести въ благодарностъ за введеніе винодѣлія, какъ за особенное благодѣаніе. Въ силу этой-то жажды и настроило себѣ человечество столько пагубныхъ кабаковъ, шинковъ, винныхъ погребовъ, кофейнъ, ресторановъ, винныхъ и водочныхъ заводовъ! Эта—та жажда и приводитъ въ крайнюю бѣдность и нищету тысячи людей, такъ что даже составилась пословица: «зота ротъ и маленькая дверка, но въ нее проходитъ чуждыя дома и деревни»; а между тѣмъ каждому извѣстно, что

люди трезвые составляютъ вездѣ и постоянно народъ зажиточный—люди трезвые умѣютъ нажить капиталы или, по крайней мѣрѣ, жить безбѣдно, «приприваючи, что называется, «во славу Божию», не взирая на свое званіе и положеніе въ обществѣ. Даже на этотъ предметъ существуютъ нравоучительныя расказы, взятые изъ быта русскаго народа и тысячу тысячъ людей осуществляемые ежедневно на самомъ дѣлѣ относительно бѣдствія и разоренія отъ пьянства и благосостоянія отъ трезвости.

Впрочемъ, подобнымъ разсужденіемъ я вовсе не намѣренъ возставать совершенно противъ употребленія спиртныхъ жидкостей и не предписываю правила строгаго воздержанія тѣмъ, кто употребляетъ ихъ. Ибо знаю, что люди, предавшие спиртнымъ напиткамъ, непремѣнно на упрекъ мнѣ возражали-бы: «Творецъ даровалъ винограду лозу для наслажденія».—«Вино дано человеку на радость».—«Вино веселитъ сердце человеческое».

Къ кому-же, и я самъ, милостивые государи, не принадлежу къ приверженцамъ полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ,—да и навѣрное, куда будетъ существовать міръ, въ любителяхъ веселаго препровожденія времени на дружескихъ пирушкахъ не будетъ недостатка, не смотря ни на какія строга мѣры нравоученія—даже если бы осуществились проецированные нынѣ народныя театры, въ отвращеніе пьянства между простымъ народомъ. А впрочемъ, и можно-ли строга и непріязненно относиться къ тѣмъ лицамъ, которыя подчасъ выпиваютъ стаканъ развешающей влаги? Вѣдь къ духовной потребности человѣка принадлежитъ и то, чтобъ иногда забывалъ онъ свои огорченія и заботы, чтобъ на нѣсколько минутъ или часовъ возвышался онъ надъ земною юдолюю плача и смотрѣлъ на міръ въ радужную призму водусшеленія. Но гигіена не оправдываетъ того нравственнаго—политическаго упадка, въ силу котораго у насъ возникла повсемѣтная распродажа спиртныхъ напитковъ: нынѣ почти на каждомъ шагу прочтемъ эпиграмму «распиючно и на откосѣ»; почему между поселянами даже составилась пословица: «сколько домовъ, столько кабаковъ», которые безпрятственно торгуютъ и въ праздничные дни до окончанія литургіи, и даже во время крестныхъ ходовъ и т. под. Гигіена съ особенною скорбью и сожалѣніемъ должна относиться къ такому обильному и свободному размноженію притоновъ удовольствія, гдѣ тысячи людей, не умѣя опредѣлять настоящей границы между поз-

воительнымъ и вреднымъ, слишкомъ дорого расплачиваются за это удовольствіе, и гдѣ послѣднее, будучи само по себѣ невиннымъ, обращается имъ въ жалкое и опасное пристрастіе. Тутъ человѣкъ начинаетъ уже забывать изреченіе лакедемонака мудреца «но знай самого себя». Тутъ онъ начинаетъ уже недовольствоваться минутнымъ забвеніемъ своихъ житейныхъ буждъ и заботъ и не ограничивается соблюденіемъ золотого правила: «все въ свое время и въ надлежащую мѣру».—Нѣтъ, тутъ онъ принимается уже пить безъ всякихъ побудительныхъ причинъ и при томъ безъ мѣры—становя за ставаномъ, и во всякое время: утромъ и вечеромъ, передъ обѣдомъ и пообѣдавши. Съ тѣмъ вмѣстѣ у него приглушается уже чувство естественной жажды, такъ что къ водѣ у него больше не лежитъ сердце: ея довольно дома и при томъ дома она ничего не стоитъ. Нѣтъ, вода ему не нравится, а въ оправданіе себя онъ напоминаетъ и то, что, во время всемірнаго потопа, всѣмъ потонувшимъ въ ней, были злыя и грѣшныя люди. Наконецъ, пристрастіе болѣе и болѣе овладѣваетъ человекомъ, и становится причиною того, что напитокъ, сначала развешающій его чувства, потомъ ослабляетъ его тѣло, и притупляетъ умственную способность, разжижаетъ мысли, беретъ верхъ надъ духовными силами и, вмѣсто веселости, приноситъ ему съ собою мрачное расположеніе духа и преждевременное одряхлѣніе тѣла, часто еще въ молодыхъ лѣтахъ, а нѣрѣдко въ скорѣи и дрякѣ съ подобными себѣ причиняетъ увѣчь или даже лишаетъ его жизни. Словомъ, гигіена не одобряетъ только неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, такъ чтобъ кратковременному удовольствію и минутному наслажденію ими не приносила себя въ жертву здоровья и счастья своей жизни, но соединяетъ съ надлежащею умѣренностю въ употребленіи ихъ правильное познаваніе того, что для него полезно и безвредно. Такъ нѣтъ, милостивые государи, мы не любимъ умѣренности. Намъ Богъ даровалъ свободу, и мы часто злоупотребляемъ этой свободой, все желая большаго и иногда совершенно вреднаго для насъ. Но какъ во всемъ, такъ и въ дѣлѣ употребленія спиртныхъ напитковъ—сначала отъ нихъ человекъ получаетъ невинное удовольствіе, потомъ онъ пристращается къ нимъ и, наконецъ, обращаетъ ихъ себѣ въ привычку, а эта послѣдняя превращается въ потребность, порождающую и развивающую въ немъ привычную жажду. Это есть третій опаснѣйшій родъ жажды. Но выраженію Лессина «можно пить много и никогда не на-

ваться». Это жестокая и часто ни чѣмъ неутолима жажда. Она походитъ на феникса, который, только-что уничтожившись, опять возрождается съ новою силою. И чѣмъ больше удовлетворяютъ ее, тѣмъ она неутолиме становится и тѣмъ вѣрнѣе влечетъ свою жертву въ область порока. Принимая жажда есть жажда пльнища: она уничтожаетъ здоровье, плеснущую вѣрность и силу духа и оканчивается смерью; она, подобно чумѣ, разстроиваетъ семейств и потомства, принимаяе нужду, нищету, несчастье и даже ведетъ къ преступленіямъ; а кромѣ того, она нерѣдко благоприваго, разумнаго, съ лучшими душевными способностями, любезнаго и милого въ кругу своего семейства и въ обществѣ челоѣка уицжаетъ до состоянія животнаго и доводитъ его до крайней гибели, такъ что при взглядѣ на всѣ ужасныя послѣдствія отъ этого гнуснаго порока, невольно повторяешь слова Шиллера: «*о ты, невидимый духъ вина! Не дано еще тебе имени, то которому можно было бы отличать тебя, такъ я назову тебя дьяволомъ*». И еще нѣколько словъ. Да, челоѣкъ, предавшій пьянству, по истинѣ дѣлается унизительнымъ, порочнымъ; онъ перестаетъ быть челоѣкомъ. И некоторые, созная всю гнусность своего порока, но, будучи не въ состояніи исправиться, отучить себя отъ дьянства, стараются доказывать, что челоѣкъ пьетъ спиртные напитки по инстинкту. Но понимаютъ-ли такіе люди настоящее значеніе инстинкта? Известно, что инстинктъ составляетъ отличительное качество животнаго и народовъ, которые стоятъ на низкой степени образованія и которые руководятся безотчетною животною чувственностью, а не духомъ, мыслью и волею. У образованныхъ же народовъ инстинкты подавляются. Поэтому пить или не пить спиртные напитки образованному челоѣку есть дѣло полной и свободной его воли, его выбора. Если же мы знаемъ, что дикари, дѣйствительно, пристращены къ одурѣнію себя виномъ, что это дѣлается ими отъ свойственнаго имъ невѣжества и дѣнь скуки ради—отъ нечего дѣлать. Но у образованнаго челоѣка всегда есть и найдется причинами и благородныя занятія, а у него всегда имѣется богатый запасъ энергіи для настоящаго стремленія къ жизни. И пить для него тоже значить, что стая на одну доску съ загурѣлымъ дикаремъ и войти въ союзъ съ его невѣжествомъ и чувственностью—съ судилою злою.

этимъ рѣшительно обидными отличіями для просвѣщеннаго и образованнаго челоѣка. Наконецъ, есть люди, которые, созная всю унизительную порочность пьянства, въ оправданіе ихъ преданности въ нему, говорятъ, что «они начали пить водку съотчаянія, въ убѣжденіи, что она облегчатъ ихъ несчастью, горе». Но подобные люди въ глазахъ нашихъ также не заслуживаютъ оправдательнаго вердикта. А гдѣ же ихъ благородная гордость, самолюбіе, сила воли, высота и величіе духа? Гдѣ же ихъ священная свобода, христіанское терпѣніе, вѣра, надежда и стремленіе къ своему Первообразу? Гдѣ же у нихъ все это дѣвалось? Нѣкогда говорилъ мудрый Сократъ ученику своему Антисену: «друг мой, я вижу гордость твою чрезъ дыры твоего рубища». И дѣйствительно, мало ли мы видимъ людей, подвергающихся величайшимъ бѣдствіямъ и поразительнымъ несчастіямъ въ своей жизни, и, однако, что-же? Все-ли дѣлаются пьяницами потому только, чтобы облегчить свое несчастье, свое горе?—Пить, очень, очень не многіе! Большая часть изъ нихъ вышесчисленными орудіями спасаются отъ этого низкаго и пагубнаго утопія. И кто-же бываютъ эти не многіе? Отвѣчу вамъ на это безъ всякаго съ моей стороны пристрастія, и сами вы, милостивѣе государи, убѣдитесь въ томъ-же, въ чемъ я убѣжденъ: каждый, начавшій пить по побужденію несчастья, всегда оказывается съ малыми и слабыми нравственными силами, лишь съ важущимся образованіемъ, или вовсе безъ него, и не успѣвающимъ еще отрѣшиться отъ грубаго невѣжества и животной чувственности. Я сказавъ выше, что спиртные напитки должны употребляться съ надлежащею мѣрою. Но кто-же опредѣлитъ такую мѣру, которая для всѣхъ служила бы оупою? Покуда еще никто, и—это по очень простой причинѣ: известно, что одинъ имѣетъ вѣрнокое и здоровое тѣло, и онъ можетъ внести болѣе; а другой имѣетъ слабое и нездоровое и—онъ можетъ внести менѣе. Поэтому каждый самъ себя въ этомъ случаѣ долженъ быть совѣтникомъ, наставникомъ и врачомъ, а для этого каждый самаго себя долженъ хорошо изучать и познавать; ибо безъ самопознанія никто для себя не можетъ избрать лучшаго и наиболѣе соответствующаго, ничто не можетъ имѣть яснаго понятія о томъ, почему то или другое полезно и здорово, а то или другое вредно и бесполезно. Слѣдовательно, никто не можетъ сказать, сколько и какъ много онъ долженъ пить, и кому и въ какой мѣрѣ.

безъ самопознанія никто правильно не можетъ наслаждаться напитками, такъ чтобы изъ опасенія дурныхъ послѣдствій не сокращались радости. И, дѣйствительно, это подтверждается ежедневнымъ наблюденіемъ. Такъ напримѣръ: богатый челоѣкъ полюбилъ то или другое вино, и—онъ пьетъ его ежедневно, не зная того, впрочемъ, на сколько оно своимъ составными частями соответствуетъ потребностямъ его тѣла; но, спустя нѣкоторое время, это вино начинаетъ вредно на него дѣйствовать, и, вмѣсто того, чтобы прибрать другой соответствующій сортъ вина, онъ отказывается уже отъ употребленія всякаго вина, говоря, что вообще вино для него вредно. Такимъ образомъ, безъ всякаго основанія, подобный челоѣкъ добровольно лишается развѣселяющаго напитка; врачъ же, не зная достаточно его тѣла, не можетъ прибрать для него настоящій сортъ вина. Дабы правильно пользоваться спиртными напитками, мы должны быть хорошо знакомы съ ихъ свойствами, химическимъ составомъ и физиологическими дѣйствіями на организмъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Прибывшій въ г. Минскъ, Художникъ С. Петербургской Императорской Академіи Художествъ Алексій Николевичъ Лебедевъ взялъ по иконостасной живописи въ Минскѣмъ Екатерининскомъ Соборѣ.

Довода о семь до свѣдѣнія какъ Священниковъ, такъ и завѣдывающихъ церквами, прошу въ случаѣ надобности обращаться ко мнѣ лично, или письменно; При этомъ считаю нужнымъ зафрѣтъ, что я вполне оправданъ, какъ художникъ, всякій заказ по живописи, въ чемъ можно удостовѣриться посредствомъ обзорѣнныя начатыхъ мною работъ въ Екатерининскомъ Соборѣ и въ моей мастерской, находящейся въ г. Минскѣ по Захарьевской улицѣ въ домѣ Сулковскаго.

Доволено цензурою.
Цензоръ Архимандритъ Анастасій.

Редакторы: Свещ. О. Миткевичъ.
Николай Аборнко.

Печатано въ Минской Губернско-ской Типографіи.